

УДК 343.9

**Девиантное поведение и нормообразование:
от протоморали к контекстуально выстроенному сконструированному праву
эпохи постмодерна и интегративному изучению преступности**

Комлев Ю.Ю.

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России; профессор кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье представлен ретроспективный анализ нормообразования и представлений о социальной норме, девиантном поведении, о праве и преступности как форме девиантности. В девиантологии многие понятия не устоялись, что определяет актуальность предложенных определений и подходов. Автор акцентировал внимание на дуализме и контекстуальности социальной нормы и девиантности. Цель обзора состоит в обосновании интегративного исследования различных проявлений девиантности и преступности на основе дополнительности объективистских и субъективистских интерпретаций социальной нормы. Предложенный исследовательский ракурс является новым. Он обладает практически ценным эвристическим потенциалом при изучении кибердевиантности и киберпреступности для совершенствования моделей социального контроля над ними в новом мире.

Ключевые слова: девиантное поведение, социальная норма, социальный конструкт, контекстуальность, кибердевиантность, киберпреступность, интегративный подход

Девиантное поведение (*deviant behavior*) связано с нарушением социальных норм как правовых, так и неправовых (мораль, обычаи, традиции). Мейнстрим в трактовках девиантности XX в. принадлежит структурному функционализму (Дюркгейм, Парсонс, Мертон, Айкерс, Доттер). В его рамках девиантность трактуется как социальный феномен, состоящий в поведении, систематически нарушающем объективные априори сложившиеся социальные нормы. Например, Д. Доттер определяет девиантное поведение как «фундаментальный отказ повиноваться групповым правилам и нормам» [1, р. 3]. По Н. Смелзеру, девиантное поведение – это «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя» [2, с. 652].

В работах сторонников структурного функционализма встречаются и трактовки девиантности, которые используют в качестве социальной нормы экспектации (ожидания) соответствующего эталонного поведения или правила, образцы поведения.

В частности, А. Коэн полагает, что девиантное поведение «идет в разрез с институционализированными ожиданиями, то есть ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы» [3, с. 520–521]. В рамках теории фрустрации статуса он показывает, что в ходе социализации ее агенты должны учитывать экспектации других людей и вести себя в соответствии с ними.

Отклонения от социальных норм, в том числе преступность, не только объективны, по определению, но и функциональны, «нормальны», по Дюркгейму, в том смысле, что характерны человеческой природе в той же мере, что и конформное поведение: «не существует общества, не сталкивающегося с проблемой преступности» [4, с. 39].

Неконтролируемый рост девиаций подобно мутациям в живом организме нарушает равновесие социальной системы, приводит к ее дезорганизации. Во все времена наряду с конформистами – людьми законопослушными рядом сосуществуют девианты: грабители и воры, убийцы и насильники, алкоголики и

наркоманы, проститутки и лудоманы. Общество и государство, ученых и практиков более всего в ряду проявлений девиантности интересуют различные формы криминального поведения, а также пути и меры противодействия им со стороны органов государства и других социальных институтов. Изучение преступности в девиантологическом контексте требует прояснить такое исходное понятие, как «социальная норма».

Определение социальной нормы для девиантологов – вопрос центральный, поскольку с его помощью определяется, как было показано выше, девиантное поведение. Ретроспективный анализ нормообразования позволяет проследить основные вехи в развитии научных представлений о социальной норме, оценить специфику интерпретаций и функциональную роль норм в регуляции общественных отношений.

Процесс нормообразования происходит длительно в течение тысячелетий и развивается от первых норм протоморали в доисторический период к контекстуальному праву эпохи постмодерна.

В обществе охотников и собирателей, когда зарождаются первые элементы общинной организации, первобытные люди могли выжить только в совместной охоте, защите соплеменников и территории. Продолжению рода, укрощению природной агрессивности и зоологических побуждений человека послужило появление первых социальных рестрикций и табу. Ограничения, несовместимые с инстинктом самосохранения, постепенно распространялись на всех членов первобытной общины. Первобытные люди, вопреки естественному отбору, поддерживали жизнь старых, слабых и хворых. В природе забота о немощных особях, если бороться за жизнь они не способны, не только бессмысленна, но и вредна. Они – обуза здоровым и пища для хищников. В культуре первых человеческих общностей поддержка и сбережение стариков – настоятельная необходимость для накопления актуальных знаний и передачи новым поколениям социального опыта. Артефакты, найденные учеными-антропологами в погребениях Ле Шапелье, и иракской пещере Шапидар убедительно подтверждают этот вывод.

По мере социальной эволюции родоплеменной общины для всех первобытных людей устанавливаются первые древние табу, призванные укротить зоологические влечения. Согласно двум из них: «не убивай своих родных» и «не вступай в половую связь со своей матерью и ее детьми-сестрами». Возникновение первых социальных запретов показывает, что антропоиды постепенно стали людьми – существами не только биологическими, но и социальными. Социальные нормы-запреты оказались функциональными и объективно обеспечили первобытным общинам большую сплоченность, выживаемость, адаптивность и конкурентоспособность.

Из первых табу и ограничений, а также повторяющихся успешных взаимодействий соплеменников

постепенно складывались правила-требования необходимого поведения членов племени. Эти первые правила вполне можно именовать протоморалью. Они были основаны на повседневном знании, на позитивном и негативном опыте. Протомораль позволила первобытным людям выжить и эволюционировать в суровых условиях дикой природы. Ключевые нормы протоморали определяли наиболее важные взаимоотношения участников родоплеменных сообществ. Они позволяли людям более успешно действовать сообща на охоте, при защите соплеменников, а затем в скотоводстве и земледелии, то есть во время коллективного труда. Базовые из них, как отмечает Т.В. Шипунова: «не убивай своих соплеменников», иначе ослабишь племя; «подчиняйся старшему», поскольку у него больше знаний и опыта; «не укради у равного себе» (равенство физической силы); «помоги соплеменнику, если ему угрожает смерть» [5, с. 78].

Нарушителей ключевых правил вождь и его приближенные, а то и все племя в целом подвергали безжалостному ostracismu. В крайних случаях изгоев отлучали от племени, фактически обрекая на гибель. Нарушители норм протоморали, отвергнутые соплеменниками, и были первыми девиантами.

Процесс социализации, как известно, транслирует обыденные знания о нормах поведения от поколения к поколению. В результате протомораль постепенно со временем воспринимается в общине как объективный элемент социального порядка. Хабиитуализация (опривычивание) протоморальных норм последовательно абстрагирует нормативную систему от трудовых и иных социальных отношений. С развитием языковой коммуникации и практики общения, рефлексии способностей человека происходит дальнейшее осмысление и осознание норм-запретов, ограничений и требований, их вербализация. Получив оформление средствами языка, протоморальные нормы все больше восприниматься общинными людьми как чьи-то субъективные предписания (жреца, колдуна, вождя). Согласно верованиям, за отказ от их выполнения неизбежно следует небесная кара – «боги накажут».

По мере усложнения социальных отношений в ходе исторического процесса одобрение или табуирование определенных моделей поведения посредством создания социальных норм постепенно вычлняется из синкретической практики человека и общества. Эта сфера превращается в относительно самостоятельную форму деятельности – социальное нормотворчество, в том числе правотворчество. С этого момента нормы права, как другие социальные нормы, приобретают статус объективных, всеобщих регуляторов социальных отношений, поскольку начинают действовать во всех сферах человеческого бытия.

Таким образом, в конечном счете, процесс хабиитуализации норм поведения человека в общине порождает становление или институционализацию социально-

го порядка. В потестарных племенных образованиях, общинах, союзах племен (вождествах) формируется древнее примирительное право. Архаичное древнее право складывается в ранних государствах.

С развитием культуры, науки от эпохи к эпохе меняется и понимание социальной нормы. В средневековье, например, христианское представление о норме соответствовало морали долга. Как правило, это нравственное поведение перед богом (нравственная жизнь – жизнь во спасение) или перед общиной, обществом, когда общественные интересы ставятся выше личных. Преступность и девиантность в то время трактуется как та или иная степень грехопадения.

В Новое время с расцветом естественнонаучного и социологического, позитивистского знания и развитием капитализма распространяется мораль свободных убеждений. Она опирается на индивидуализм, на такие установки индивида, когда личное превозносится больше, чем общественное.

Позитивист Э. Дюркгейм в конце XIX в. дает объективистскую интерпретацию социальной нормы в понимании предписания морали, религии и права, которые выступают как формы коллективного сознания. Каждый индивид, по Дюркгейму, «находит» эти нормы уже «готовыми» и соотносит с ними свое реальное поведение [4]. Объективистское понимание юридической нормы рассматривается, соответственно, как требование, мера должного поведения. Соблюдение правовой нормы обеспечивается санкциями со стороны государства. Право как совокупность наиболее важных социальных норм (правил поведения), регулирующих наиболее значимые отношения между людьми, и мораль изменяются с переходом общества от одного социального типа к другому. Кроме того, они постепенно эволюционируют в пределах общества одного и того же типа, если накапливаются изменения в культуре и условиях жизни людей [4].

Эпохе модерна соответствует право как форма обменных отношений. Формирование законов связано с санкционированием прежде всего обычаев. Другой путь выражается в развитии прецедентного права, третий состоит в оформлении властных велений правителя, государственных институтов. Появление текущего законодательства придает праву новые черты: формальную определенность (писанная форма), объективность (нормативный акт относится в принципе к неопределенному адресату), обеспеченность государственным принуждением [6, с. 298–299].

Девиантологи и правоведы, как это часто бывает в науке, и сегодня «ломают копья» по поводу того, что считать социальной и правовой нормой, что считать правом. Т.В. Шипунова обращает внимание на дискуссионный характер подходов к определению содержания социальной нормы, их классификации. Она справедливо указывает на связь определения социальной нормы с «типом господствующей морали» и пониманием времени [5, с. 73].

Обществоведы часто основным содержанием понятия «норма» считают «соответствие поведения людей социальным ожиданиям», «должное поведение», «требование определенного поведения», «отражение накопленного опыта», «правило поведения» и другие. Например, финский криминолог М. Лайне определяет социальную норму как «правило поведения, созданное общиной или обществом» [7, с. 12]. Я.И. Гилянский – основатель российской девиантологии – считает, что «социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций» [8, с. 31]. Правовые нормы – частный случай социальных норм, продукт их определенного генезиса. Наиболее распространенным является нормативистское представление о праве как о системе общих юридических норм (нормативно-правовых актов – законов, указов, постановлений), установленных государством и опирающихся на возможность организованного им принуждения к их исполнению.

Юридическому позитивизму характерны два элемента для определения понятия права: надлежащее или авторитетное установление права и его социальная действенность (эффективность). Сторонники непозитивистского подхода включают наряду с перечисленными выше элементами еще и моральную составляющую. Если установленная законом правовая норма не соответствует моральным представлениям данной культуры, она остается недействительной. М. Лайне приводит пример на эту тему, описывая опыт христианских миссионеров на островах Тихого океана. Проповедники, выступая перед аборигенами, ужаснулись непринужденной наготы коренных жителей. Миссионеры потребовали, что бы все женщины, посещающие проповеди, носили блузки. Они изумились еще больше, когда на следующий день все женщины не послушались нового приказа, но вырезали дырки в блузках так, чтобы груди обязательно были видны всем [7, с. 12].

На исходе эпохи модерна во второй половине XX в. по мере ускорения социальных процессов ускользает стабильность социальных феноменов, растет неопределенность и непредсказуемость не только предстоящего будущего и настоящего. В этих новых временных условиях снова меняется представление о социальной и правовой норме и как следствие понимание девиантности. Эти сдвиги в социуме раннего постмодерна были концептуализированы в рамках набиравшего в тот период конструктивистского подхода к пониманию социальных феноменов. Сторонники феноменологической социологии знания П. Бергер и Т. Лукман выполнили детальную разработку основных категорий конструктивизма в работе «Социальное конструирование реальности» [9]. В рамках субъективист-

ской перспективы анализа, заложенной Бергером и Лукманом и поддержанной многими девиантологами и правоведами-конструктивистами на рубеже и начале XXI в., понимание социальных норм и норм права получает дальнейшее развитие. С точки зрения конструктивистов, доминирующим основанием в природе социальной нормы, определяющей поведение человека в группе или обществе, считается ее социокультурная и временная контекстуальность. В итоге все социальные нормы рассматриваются как релятивные, конвенциональные социальные конструкты, поскольку имеют социально-историческую обусловленность. Они – результат истории, типа социума и его культуры.

Феноменологический взгляд на правовые нормы как частный случай социальных норм, а также тот или иной тип правопонимания есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ должного поведения и права, который представляет собой синтез социальных практик и теоретических конструктов. Феноменологический подход открывает право как мир значений, который тематизируется активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта. Благодаря феноменологической редукции, описывающей любой фрагмент бытия как феномен или значение, подлежащее объяснению, право обретает свое единство. Оно не является в феноменологической перспективе хаосом правовых фактов и прошлых представлений о праве, а предстает в виде модели, все элементы структуры которой способствуют выражению значимости права в жизни общества [10, с. 17].

В этот период складываются поликонцептуальность и методологический плюрализм, нарастает соперничество научных школ, усиливается критика позитивистских подходов со стороны девиантологов феноменологической ориентации. Они все чаще обращаются к критическому переосмыслению классической позитивистской рациональности, универсальности, объективности норм права. Это неслучайно, поскольку позитивистское правопонимание и соответствующее ему законодательство в новых социальных условиях не вполне обеспечивают должный правопорядок в быстро меняющемся мире. В этот период особенно острой выглядит критика легального формализма и рационализма в позитивистском праве на основе положений постструктурализма и семиотики (Мэннинг, Генри, Милованович). Так, Д. Милованович раскрывает релятивизацию научного знания и доказывает, что дискурс в критических правовых исследованиях с его разнообразием в теоретических перспективах все еще остается полем «постоянных поисков теории» [11, р. 176–179].

Многие ведущие исследователи этой поры (Кристи, Матисен, Альбанезе, Гилинский, Честнов и другие) осознают социальную неэффективность традиционных средств социального контроля в рам-

ках возмездной юстиции (*retributive justice*) и определяют ситуацию, например, в уголовной политике и практике как «кризис наказания» или полицейского контроля [12, с. 404–410]. Неэффективность, считает Я.И. Гилинский (более того, минусовая, отрицательная эффективность, наличие негативных последствий), наказания хорошо известна [13, с. 106].

Феноменологическая (субъективистская) и непозитивистская традиция в постклассических девиантологии и правоведении стимулирует развитие постмодернистских интерпретаций социальной и правовой нормы, а также девиантности во всех ее проявлениях. Так, И.Л. Честнов одним из первых в России рассматривает право как «контекстуально (исторически и социокультурно) обусловленное, многомерное, включающее нормы, действия и ментальные образы, постоянно изменяющееся человекоцентристское право» [6, с. 366]. В его авторской концептуализации важно то, что это диалогичное по своей сути право, в котором бинарные оппозиции (должное и сущее, материальное и идеальное, объективное и субъективное и т.д.) взаимно дополняют и обуславливают друг друга.

Конструкционисты считают, что логика постсовременного нормообразования состоит в том, что социальные нормы конструируются в результате социальных интеракций, диалога – речевого дискурса на основе научного или обыденного знания. С их точки зрения, происходит конструирование/деконструирование социальных норм и тех или иных проявлений девиантности и прежде всего преступности в зависимости от степени их общественного или индивидуального вреда. Следовательно, законодатели в настоящее время совершенствуют правовые кодексы контекстуально на основе соглашений путем конструирования или деконструирования правовых норм и соответствующих санкций.

Таким образом, в рамках феноменологии и конструктивизма социальная норма контекстуальна и поэтому рассматривается как релятивная, конвенциональная социальная конструкция. Соответственно, и девиантное поведение – релятивный социальный конструкт. В работах Г. Гесса и С. Шерера показано на примере преступности как формы девиантного поведения, что она не только объективное онтологическое явление, но и мыслительная конструкция, имеющая исторический, изменчивый характер [12, с. 37]. Преступность – искусственный социальный конструкт, результат принятия политических или правовых решений, продукт дискурса в ходе тематизации той или иной острой криминальной проблемы во властных структурах, в СМИ и обществе в целом.

На фоне дальнейшего ускорения социальных изменений, вызванных компьютерной революцией и технологическими инновациями XXI в., глобализацией, цифровизацией всех сфер социальной жизни, сетевизацией социальных коммуникаций и сфе-

ры обслуживания стремительно трансформируются девиантность и преступность. Наблюдается, наряду с разрастанием преступности «белых воротничков и элиты», стремительная диффузия криминальной активности в Интернет-пространство, где «не работает» в полной мере классический принцип неотвратимости наказания. Киберпреступность ежегодно прирастает на 20 и более процентов. Новые вызовы требуют создания новой «сумасшедшей», по выражению Я.И. Гилинского, теории.

Рассмотренные выше генезис и дуализм в совместном понимании нормы и девиации с объективистских и субъективистских позиций открывают новые эвристические возможности интегративного изучения новых проявлений кибердевиантности и высокотехнологичной преступности первой четверти XXI в. Интегративный подход уже широко используется в цифровой девиантологии и криминологии [10, с. 134–154]. Он позволяет на основе девиантологических исследований совершенствовать систему социального контроля над проявлениями цифровой девиантности и преступности. К освоению и использованию этой парадигмы автор приглашает молодых исследователей, проявляющих интерес к девиантологии и смежным областям научного знания (права, IT-технологий, семиотики). Более подробно предпосылки, основные девиантологические постулаты и подходы к теоретической интеграции, а также различные модели междисциплинарного синтеза, в том числе и пост-постмодернистского, использование методологической триангуляции изложены в работе «Интегративная криминология: девиантологический очерк» (2019) [10].

Литература:

1. Dotter D. Creating Deviance: An International Approach. – AltaMira Press, 2004. – 360 p.
2. Смелзер Н. Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
3. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. – М.: Прогресс, 1965. – 550 с.
4. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сборник статей: Перевод с англ. – М.: Прогресс, 1966. – С. 39–44
5. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – 245 с.
6. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
7. Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. – Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994. – 173 с.
8. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. – 528 с.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – 334 с.
10. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк: учеб. пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2019. – 223 с.
11. Barak G. Integrating criminologies // Crime, Law and Social Change. – 1998. Vol. 29. – P. 85–94.
12. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 501 с.
13. Гилинский Я.И. Очерки по криминологии. – СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. – 573 с.

Deviant Behavior and Norm Formation: From Protomorality to Contextually Built Constructed Law of the Postmodern Era and Integrative Study of Crime

Komlev Yu. Yu.

*The Kazan Legal Institute MIA of Russia,
University of Management «TISBI» (Kazan)*

The article presents a retrospective analysis of norm formation and ideas about social norms, deviant behavior, law and crime as a form of deviance. In deviantology, many concepts are not established, which determines the relevance of the proposed definitions and approaches. The author focused on the dualism and contextuality of social norms and deviance. The purpose of the review is to substantiate the integrative study of various manifestations of deviance and crime based on the complementarity of objectivist and subjectivist interpretations of social norms. The proposed research perspective is new. It has practically valuable heuristic potential in the study of cyberdeviance and cybercrime to improve models of social control over them in the new world.

Key words: deviant behavior, social norm, social construct, contextuality, cyberdeviance, cybercrime, integrative approach